

Проблема евроцентризма и переходные эпохи в моделях глобальной истории

В статье рассматривается эволюция и влияние идей евроцентризма на концептуальные подходы к изучению всемирной истории. Прослеживается формирование подхода, в соответствии с которым историческое развитие Запада рассматривается как образец для всего остального мира. Глобальная история представлена как альтернатива и результат развития линейных моделей всемирной истории. Анализируются проблемы и интегративные возможности глобалистики. Проведено сравнение подходов к изучению переходных эпох в линейных эволюционных и глобальных макроисторических моделях.

Ключевые слова: Евроцентризм, глобальная история, переходные эпохи
Шифр научной специальности: 07.00.09

O.V. Kim

The Eurocentric theory and transitive epochs in global history models

The article covers the evolution of the Eurocentric theory and its influence on conceptual approaches to studying Global history. The article reveals the formation stages of the approach according to which the historical development of the West is seen as a model for the rest of the world. Global history is presented as the alternative and the result of linear global history models' development. The problems and the integrative potential of global history theory are analyzed in the article. The comparative analysis of approaches to studying transitive epochs in linear evolutionary and global macrohistory models has been made.

Key words: Eurocentric theory, Global history, Transitive epoch

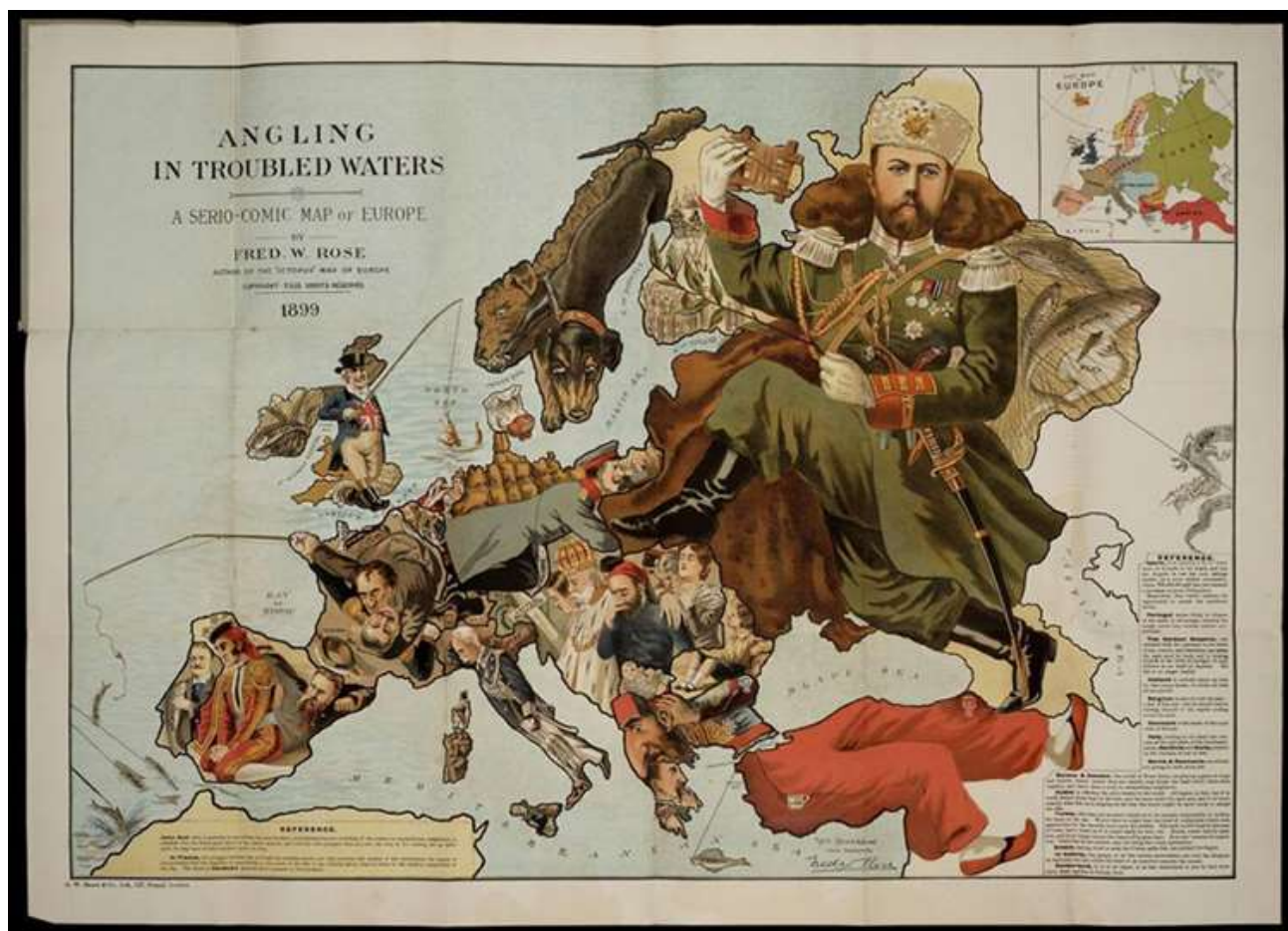
Современная глобальная история не представляет единого фронта исследования и опирается на множественность картин мира с выраженной экуменической окраской. Данное научное направление все больше получает признание как ведущая и наиболее актуальная отрасль современного исторического знания. Сформировавшись в междисциплинарном дискурсе, глобальные исследования впоследствии подверглись существенной историзации, появились связанные с ней направления исторических исследований. Пересмотр макроисторической динамики в духе «глобальной истории» привел к переосмыслению подходов к стадиям развития, к переходным эпохам. Стремление к написанию глобальной истории продиктовано не только изменениями в интеллектуальном настрое современных гуманитарных наук, но контекстом современной общественно-политической жизни. Образ глобального исторического прошлого отражает новые интеллектуальные и эстетические запросы; с другой стороны он призван объяснить происхождение современного мира с характерными тенденциями глобальной экономики, информационной среды, конвергенции и планетарных проблем.

Эта задача не решается простым суммированием национальных историй. Исследователи сталкиваются с проблемой дуализма гуманитарного и гносеологического образов исторического знания. Концепции всемирной истории отражают рефлекссию над традиционной гуманитарной проблематикой, но не в состоянии перевести их в гносеологическую плоскость в силу своей природы. Не случайно Ханс Георг Годамер высказался в том духе, что всеобщая история одновременно необходима и невозможна – невозможна потому, что для ее написания необходимо верить, что у истории есть конечная цель.¹ Другая методо-

---

¹ Goadamer H.-G. Truth and Method. (English trans.). L., 1960, P.7

логическая и концептуальная проблема заключается в том, что в гуманитарном знании существует устойчивая традиция евроцентристской интерпретации этапов и направления всемирно-исторического развития. Национальные историографии в состоянии преодолеть детерминизм эволюционистских теорий линейного развития, но рискуют при этом выпасть из глобально-исторического контекста. Из четырех основных макроисторических парадигм XX века – формационной, модернизационной, цивилизационной и мир-системной – две (формационная, модернизационная) несут заметную печать европоцентризма. Мир-системный анализ с присущим для него интересом к сущностной динамике капитализма несет в себе неизбежные евроцентристские коннотации.²

Концептуализация всемирной истории в течение XIX-XX веков была подвержена мощной традиции европоцентризма, что выразилось в двух основных тенденциях: 1) в стремлении использовать абстрактные категории исторического знания, понятия, термины, концептуальные подходы, сложившиеся в западной исторической науке для описания европейских по своему происхождению исторических явлений и процессов в качестве универсальных инструментов. История иных цивилизаций декодируется в европейском дискурсе. Вследствие этого история Запада выступает как эталон развития для других ре-

² Следует учитывать, что во втором поколении теорий модернизации, начиная с 1970-х гг. стали развиваться плюралистические подходы к изучению аутентичных региональных типов «модерности». Среди сторонников мир-системного анализа большое влияние имеет позиция А.Г. Франка о том, что историческим ядром технологического и социокультурного развития Мир-Системы в течение длительных периодов является не Европа, а Китай, - откуда исходил основной импульс культурного диффузионизма. См. Франк А.Г. Азия проходит полный круг с Китаем как с «серединым государством» / Цивилизации. Выпуск 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории, М., Наука, 2002, С. 193-195; Frank A.G. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand. L., N.Y.: Routledge, 1993; Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С.157-158.

гионов мира. 2) Построение темпоральных и пространственных иерархий, в которых западная цивилизация как таковая является системным ядром, универсальной, высокой стадией развития, близость к которому/ которой определяет «веер возможностей» позитивного развития прочих традиционных и посттрадиционных обществ (в духе их трансформации, конвергенции, синтеза с европейской парадигмой). Это фактическое разделение на «исторические» и «неисторические» народы и цивилизации, в прямом соответствии с дистанцией от всемирно-исторического центра.

Европоцентризм является широким идейным течением в гуманитарных науках, политической теории и общественном сознании, в явной или неявной форме сообщающее о культурно-историческом превосходстве и особом статусе европейской цивилизации в мировой истории. Его суть заключается в признании эталонного, образцового значения западноевропейских структур, институтов, ценностей и этапов развития для остальных регионов мира. Это идейное течение стало характерным явлением западной философии, культуры и идеологии, а также являлся мощным средством формирования и выражения европейской идентичности в период новой и новейшей истории. О нем можно говорить как об историческом явлении, как о политической идеологии и как о научной парадигме, отразившейся в ряде философских, социологических, исторических, культурологических теорий и концепций.

В основе европоцентризма лежит осознание генетически разных путей развития, типологических отличий в антропологии и ментальности, несхожесть жизненных ориентаций, свойственных европейцам и обитателям других регионов мира. Они привели к кардинальным отличиям социально-политических систем, экономической организации и культуры. Европоцентризм подпитывался очевидным военно-технологическим отставанием, традиционализмом и подчиненным положением народов Азии, Африки и Америки в колониальный период, отсутствием в этих регионах эндогенного научно-технического прогресса, их периферийным положением в капиталистической мир-системе. Это привело к появлению устойчивых представлений о том, что неевропейские цивилизации остановились в развитии на архаических и средневековых стадиях, в то время как европейская культура и цивилизация достигла более высокой стадии развития, для которой характерен прогресс, индустриализм, политический либерализм и гуманитарные ценности. На этом основании делался вывод о том, что историческое и социальное прошлое Европы является ключом и образцом к пониманию исторических и современных реалий остального мира. Господство европейского дискурса долгое время опиралось на длительную культурную дезадаптацию Запада и Востока, так как к сознательной установке на взаимопонимание эти две цивилизации пришли только в XX веке.

Органическая связь между европоцентризмом, линейными концепциями исторического процесса и эволюционизмом широко исследовалась отечественными историками.³ Востоковеды В.П. Илюшечкин и Ю.И. Семенов, не только предпринимали историографическое исследование корней эталонного подхода к макроистории, но и разрабатывали собственные модели преодоления детерминизма европоцентристских макроисторических моделей. В частности, В.П. Илюшечкин указывал на преемственность традиций «эталонного подхода» в позитивистских исторических теориях XIX-XX века.⁴ Действительно, историзм зародился на Западе в эпоху Просвещения, и поэтому первые модели всемирной истории были объектно обращены к истории Европы. Само деление истории на античную, средневековую и новую (Ж.Боден, И. Кеплер) отразило европейское представление о ходе исторического процесса. Первые работы по всемирной истории рассматривали современное европейское общество как результат оптимального соотношения географических, политических и культурных условий; которые, в свою очередь привели к разнообразию форм, непрерывному прогрессу, развитию политической ответственности и рационализма

Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., Наука, 1987; *Его же.* Проблема человеческой субъективности в истории // *Цивилизации.* Выпуск 1. М.: Наука, 1992; *Его же.* Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки // *Цивилизации.* - М.: Наука, 1993. - Вып. 2.; *Илюшечкин В.П.* Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., Наука, 1971; *Его же.* Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. М., Наука, 1980; *Его же.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., Наука, 1989; *Семенов Ю.И.* Категории «социальный организм» и ее значение для исторической науки. // *Вопросы истории,* 1966, №3; *Его же.* Проблема начального этапа родового общества // *Проблемы истории докапиталистических обществ.* М., т.1, 1968. *Его же.* Философия истории. От истоков до наших дней. Основные проблемы и концепции. М., «Старый сад», 1999.

⁴ *Илюшечкин В.П.* Общее и особенное в развитии добуржуазных классовых обществ / *Социальная и социально-экономическая история Китая.* М., 1979, С. 12-20

(на смену эпохам дикости и варварства в Европе наступает стадия цивилизации). Шарль Монтескье прочно связал эпоху средневековья с этапом и представлениями о феодализме в его европейском варианте. Характерно, что французские просветители (Ф. Вольтер, Д. Дидро) выдвинули идею расширения географических рамок истории, воссоздания всемирной истории, выходу за рамки европоцентризма. Но в целом идея прогрессивности Европы перед лицом стагнирующего Востока прочно вошла в общественное сознание и закрепилась в стадияльных линейных исторических концепциях. Общепринятые принципы стадияльного деления исторического процесса восходят к социологической схеме А. Сен-Симона и к концепции классических образцов О. Конта; согласно последней, образцы античной и средневековой Европы адекватно воплощали сущностно общее, свойственное вообще всем древним и средневековым обществам. В дальнейшем связь между европоцентризмом и позитивизмом в гуманитарных науках укрепилась, стала характерной чертой, благодаря «эталонному подходу». Эта традиция связана с именем А. Сен-Симона – он первым использовал формы и институты, характерные для Западной Европы для изучения и анализа исторических процессов и явлений в мировом масштабе. В его исторической периодизации этапы общественного развития связывались с чередованием форм эксплуатации – античное рабовладение (политеизм) и западноевропейское крепостничество (монотеизм) использовались в качестве эталонов, имевших всемирно-историческое, стадияльное значение.

На рубеже XVIII-XIX вв. в европейской исторической науке закрепились представления о рабовладении, феодализме и капитализме как о трех стадияльных универсальных этапах исторического развития, соответствовавшим эпохам античности, средневековья и нового времени. Отсутствие на современном Востоке эндогенного генезиса капитализма, индустриализма и капиталистических структур европейского типа в XIX веке было убедительным доказательством исторического отставания Азии и лидерства Европы. В течение XIX века под влиянием идей позитивизма О. Конта и эволюционизма Г. Спенсера в науке утверждается эволюционистская, прогрессивная схема всемирно-исторического процесса в европоцентристском варианте.⁵ В идеалистической философии Г. Гегеля формировалась идея о том, что разные этапы развития человечества обусловлены эпохами становления «духа», «души», «культуры». По ней европейская (христианская, германская, фаустовская) душа противопоставлялась мистической древней «азиатской душе» как более высокая стадия. Она характеризуется как экстравертивная, рациональная, свободная, направленная на внешнее действие, склонная к прогрессу и техницизму.⁶

К середине века оформился ряд универсальных теорий, охватывающих большие периоды. Особенности развития неевропейских цивилизаций объяснялись преимущественно влиянием религии и характером (протяженностью) пространства – в то время как развитие Европы объяснялось наличием внутри европейского культурного и духовного субстрата императивов к движению, освоению и изучению окружающего мира, преодолению вызовов среды и человеческого окружения, бинарностью исторического наследия (синтез и взаимодействия традиций античности и варварства), дуализмом политической жизни (конкуренция светской власти и церкви) и т.д. Написанная в этом духе «История цивилизации в Европе» Ф. Гизо оказала большое влияние на историографическую ситуацию в целом. В периодизации цивилизации Европы Гизо выделил три основных этапа, которые впоследствии часто переносились на весь остальной мир его последователями: 1) Период образования, появления признаков цивилизации - до XII века; 2) «Время опыта, по-

---

⁵ *Конт О.* Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов на-Дону, Феникс, 2003, 250 с.; *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Издательство "Ника-Центр", Киев, 1997, С. 253; *Его же.* Опыты научные, политические и философские. М., Современный литератор, 1999, С.408.

⁶ *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., современные тетради, 2003, С. 221, 241, 538

пытках, колебаний», когда «различные элементы общественного быта сближаются, соединяются между собою, испытывают силы, не имея возможности произвести что-либо общее» (XIII-XV вв.); 3) период, когда общество в Европе получает окончательную форму (XVI-XIX вв.)⁷ Изначальное противопоставление традиции и современности Э. Дюркгеймом и Г. Спенсером привело в ряде социологических учений к экстраполяции этой дихотомии на современный, индустриальный Запад и традиционный Восток. Если восточное общество характеризовала механическая солидарность (основанная на общих убеждениях и консенсусе в пределах коллективной совести), то европейский культурный контекст подразумевал органическую солидарность (взаимозависимость экономических связей, сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений). Научное и общественное мнение во второй половине XIX века находилось под влиянием представлений о том, что в основе различий между цивилизациями Запада и Востока лежат природно-экологические факторы и демографические факторы.⁸

Заметное влияние на закрепление европоцентристских подходов в классической исторической социологии оказали работы М.Вебера. Он характеризовал явления, связанные с генезисом капитализма и рациональной легитимации власти преимущественно как европейские. В «Истории хозяйства» Вебер отказался классифицировать признаки высокого развития товарно-денежных отношений на древнем и средневековом Востоке как раннекапиталистические. Он отнес их к типу нерегулярного, авантюрного капитализма, которому не хватает нескольких важных атрибутов (частная собственность на средства производства, рациональная бухгалтерия, сводный рынок труда, развитие техники и др.).

⁷ Гизо Ф. История цивилизации в Западной Европе. М., Территория будущего, 2007, с. 187

⁸ Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторически реки. Киев – Харьков, 1899; Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. СПб., 1868; Фридман Э. Историческая география Европы. В 2-х томах. М., 1882; Элизе Реклю Ж.Ж. Человек и Земля. В 6 томах. М., 1906

Вебер исследовал феномены бюрократии и прогрессирующей бюрократизации («рационализации») современного европейского общества. В его понимании рационализация была результатом воздействия нескольких феноменов, несших в себе рациональное начало - все эти факторы имели системно европейское происхождение и диапазон действия. Она являлась ключевым понятием анализа европейского капитализма, обозначавшим множество взаимосвязанных процессов, превращавших каждый аспект человеческого действия предметом расчета, измерения и контроля. Движение в направлении формальной реальности у Вебера - это движение самого исторического процесса. Европейский менталитет, ориентированный на активное познание и освоение окружающего мира стал, согласно Веберу, следствием комплексного влияния специфических этических императивов, а также античной науки, особенно математики, - дополненной в эпоху Возрождения экспериментом, экспериментальной наукой, техникой. Фактором, который позволил синтезировать все эти элементы, явился протестантизм. В работе «Религии Китая» М.Вебер совершил важный прорыв к пониманию внутренней взаимосвязи между азиатскими космологическими, политическими и социальными представлениями.⁹ Однако при характеристике общественной жизни на Востоке Вебер в целом оставался в рамках стереотипов, подчеркивал такие атрибуты китайской цивилизации как патриархальность, общинное устройство, мистицизм, статичность. Немецкий социолог выделил критерии «реального», системно-европейского капитализма и рационального общества, которые считал универсальными, но исторически сформировавшимися именно на Западе. Это: 1) Присвоение автономными частными промышленными хозяйствами свободной собственности на вещные средства производства (землю, приборы, машины, орудия и т.п; 2) Свободный рынок без сословных ограничений; 3) Рациональная, механизированная техника производства и обмена в областях как выработки, так и обращения благ; 4) Рациональное, твердо установленное право; 5) Свободный рынок труда; 6) Коммерческая организация хозяйства, ориентированное на рыночный спрос и доходность хозяйства.¹⁰

Позитивистская теория марксизма вобрала в себя универсалистские, линейные подходы к всемирно-историческому процессу. Марксизм как историческая парадигма отразил идеи евроцентризма – и связал их с принципами эволюционизма, экономического детерминизма, классовой борьбы. В центре исследований Маркса и Энгельса изначально находились проблемы формирующегося капиталистического общества XIX столетия. Поэтому главным объектом своего анализа сделали экономику, так как она, по их мнению, в наиболее полной мере отражает развитие конкретных материальных сил в истории. Однако в отличие от позднейшей теории модернизации, которая отводила основную детерминирующую роль экономическому росту, марксистская идеология подчеркивала роль усиливающейся в результате экономических антагонизмов классовой борьбы. Социальная теория Маркса, как справедливо отмечал А.И. Фурсов, оказалась на стыке анализа двух систем – локальной европейской буржуазной и мировой капиталистической.¹¹ Марксизм как идеология сообщал, что важнейшим условием перехода к социализму является достижение определенного уровня производительных сил, соответствующего западному образцу индустриального капитализма с его классовой общественной структурой – в этих исторических и социальных условиях классовые антагонизмы достигают апогея и происходит социалистическая революция. В идеологической перспективе коммунистическое будущее тоже было «концом истории». Марксизм стал одной из ведущих идеологий XX века, наряду с либерализмом и консерватизмом. В идейно-методологических рамках формационного подхода было необходимо подчеркнуть типологическую и даже хронологическую однотипность исторического развития всех стран и регионов. В эпоху экспансии «мировой революции», а затем и «развитого социализма»

⁹ Вебер М. Религии Китая. Пг., 1923

¹⁰ Вебер М. История хозяйства. Город. М., «Канон-Пресс Ц», 2001, С. 255-257

¹¹ Фурсов А.Н. Капитализм в рамках антиномии «Восток-Запад»: проблемы теории / Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995, С.42

подчеркивалось, что материальная, политическая и культурно-идеологическая помощь стран развитого социалистического лагеря позволяла отсталым обществам третьего мира сделать опережающий шаг к социалистической революции и индустриализации. Социалистический лагерь по своей сути являлся высокоразвитым, эталонным Западом; развивающиеся страны социалистической ориентации - Востоком. Возможность экспорта «советского модерна» лишь подтверждала всемирно-историческую обусловленность западной парадигмы развития. Стадиальную и качественную близость экономической основы и социальных структур современного западного и советского обществ отмечал Р. Арон.¹² Либеральная идеология модернизации и советская идеология «научного коммунизма» имели общие корни в идеологии Просвещения. Они одинаково опирались на стадиально-линейные представления о всемирно-историческом процессе и подчеркивали определяющую роль европейского исторического и политического опыта для развивающихся стран третьего мира, с акцентированием на развитии капитализма и сопутствующих ему культурном уровне, политических институтах, социальных явлениях. Марксизм и теория модернизации в равной степени предполагали, что развитие всех обществ зависит от универсальных законов развития производства, отводили решающую роль экономическому фактору социального развития. Унитарно-стадиальные, европоцентристские по духу концепции всемирной истории на Западе, и в СССР отражали, по сути, идеологию развитого индустриального общества, осознающего свою идентичность и превосходство над странами неевропейского «третьего мира».

Эволюция взглядов Маркса и Энгельса, а в дальнейшем – дискуссии советских историков о стадиях всемирно-исторического процесса отразили изначальную неоднозначность формационного деления истории. Общепринятая пятичленная теория общественных формаций устоялась только в конце 1930-х гг. К этому времени советские историки избавились от идеологически и политически нецелесообразных теорий «азиатского способа производства» и «торгового капитализма», которыми очевидно увлекались в 1920-е годы, и которые были органично ими заимствованы из научно- публицистической литературы рубежа XIX-XX веков. Эти теории подразумевали региональную инвариантность исторического развития, «выпячивали» национальную и культурную специфику, подчеркивали длительные многоукладные переходные эпохи как необходимый этап исторического развития.¹³ В те годы эти воззрения были прочно увязаны с троцкизмом и репрессированы. Задачи мировой пролетарской революции, советской индустриализации и борьбы с империализмом требовали европоцентристской унификации всемирной истории в ключе революционных формационных переворотов.¹⁴ «Пятичленная концепция» формально господствовала в течение всего советского периода, но не отличалась фактической структурной прочностью – о чем свидетельствовали дискуссии 60-70-х годов. В ходе них новаторски настроенные советские историки с подачи идейно близких к ним ученых ГДР, Чехословакии, Венгрии, Франции подвергли острой критике концепции первобытнообщинного строя, рабовладельческого строя, подняли вопрос о несоответствии исторических реалий средневекового Востока «феодальному эталону» и обсуждали различные варианты АСП. Эти обсуждения вновь были свернуты по идеологическим причинам; формальным итогом стало формулирование особого, специфического типа «восточного феодализма», не разрушавшего общую концепцию всемирно-исторического процесса. При этом в 1970-1980-е годы некоторые историки продолжили разработку альтернативных макроисторических концепций, в которых пытались преодолеть эталонный подход и экономический детерми-

---

¹² Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., Прогресс, 1993, С. 365, 371-374.

¹³ Ким О.В. Переход от Средневековья к Новому времени в теории торгового капитализма // III исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы международной научной конференции 11-12 ноября 2010 года. Томск, изд-во ТГПУ, 2011. С. 399-403

¹⁴ Ким О.В. Проблема «азиатского способа производства» в советской историографии (20-е годы – начало 90-х годов). Дисс... кандидата исторических наук. Кемерово, 2001, С. 191-194

низм, использовать достижения зарубежной науки, строили региональные модели, ориентировались на многофакторное историческое развитие.¹⁵

Характерно, что подходы Маркса и Энгельса к периодизации всемирной истории в 1850-1860-е и в 1880-1890-е гг. существенно различались. Они отражали разное количество «первичных» и «вторичных» формаций; включали гипотезу «азиатского способа производства», исходили из разного понимания первобытного и родового строя, разной периодизации капитализма. В основе марксистской схемы исторического развития лежали представления о «способах производства» и связанных с ними «общественно-экономических формациях». Закономерностям экономического развития и классовой борьбы Маркс и Энгельс придавали универсальный характер и отводили второстепенное значение нематериальным, надстроечным факторам. В основу их анализа были положены европейские модели античного рабовладения, феодализма, капитализма и соответствующие им социальные институты. Несоответствие региональных версий развития европейским эталонам классифицировалась в рамках теории как отсталость, имело негативную

¹⁵ См. напр.: *Алаев Л.Б.* Формационные черты феодализма и Восток. //НАА, 1987, №3; *Его же.* Опыт типологии средневековых обществ Азии.// Типы общественных отношений на Востоке. М., 1982; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. т.1, М., 1979; *Гуревич А.Я.* Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., Наука, 1970; *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. *Его же.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983; *Илюшечкин В.П.* Концепция общественного синтеза и теория общественных формаций. // Народы Азии и Африки, 1988, №2; *Непомнин О.Е.* Социально-экономическая история Китая 1894 - 1914 гг. М., Восточная литература, 1980 и др.

характеристику. «Азиатский строй» рассматривался Марксом и Энгельсом в 1850-60-е годы как ранняя доклассовая стадия, неантогоничтиская формация. Позднее у Маркса и Энгельса появилась более сложная, плюралистическая формационная модель, в которой азиатский способ производства сосуществовал параллельно рабовладению и феодализму, но она не получила развития в известной теории общественных формаций.¹⁶ Марксизм, в том виде, в каком он лег в идеологическую и методологическую основу советской исторической науки, сконцентрировал внимание на экономическом развитии, на динамике форм частнособственнической эксплуатации – что привело к заострению внимания на эндогенном развитии феодализма, а затем капитализма в Западной Европе как на главном, коренном макроисторическом процессе. Отсюда наибольшее внимание к истории Англии, Голландии, Франции, Германии в средние века и новое время, что являлось чистым проявлением евроцентристского эталонного подхода.

Вторая половина XX века стала временем активного противостояния европоцентристских и альтернативных подходов к истории. Политические идеологии, принятые в социалистическом лагере и в западных странах опирались на стадияльно-линейные представления о всемирно-историческом процессе и подчеркивали определяющую роль европейского исторического и политического опыта для развивающихся стран третьего мира. Европоцентризм стал важным элементом первых теорий *модернизации* и *вестернизации*., которые объективно были частью политической идеологии времен биполярного противостояния двух систем. Поэтому с 1950-60 гг. на Западе началось возрождение унитарно-стадияльных концепций в этнологии (Л. Уайт, Дж. Стюард, Э. Сервис, М. Фрид, М. Салинз и др.) и социологии (Г. Ленски, О.Д. Дункан, Дж. Матрас, Т. Парсонс и др.).¹⁷ В общем виде они сообщали о том, что европейское общество объективно лидирует в современном мире благодаря особой социальной мобильности и психологической пластике, способностью к адаптации и восприятию новых технологий. Поэтому только оно смогло преодолеть традиционализм, совершить отрыв и перейти к индустриальной стадии развития, полнее реализует свои жизненные шансы. Унитарно-стадияльный характер носили почти все ранние теории модернизации (У. Ростоу, Ш. Айзенштадт, С. Блэк).¹⁸ К самым известным современным унитарно-стадияльным концепциям относятся теория индустриального общества (Ж. Фурастье, Р. Арон), а затем сменившая ее теория постиндустриального общества (сверхиндустриального, технотронного, информационного, сервисного - Д. Белл, А. Турен, О. Тоффлер, И. Иллич, И. Масуда и др). Все эти концепции представляют собой стадияльные типологии социоисторических организмов и содержат европоцентристские коннотации. В радикальных формах европоцентризм выразился в концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который оспаривал возможность прямой передачи инноваций между разными цивилизациями.¹⁹ Примером того же рода являются работы Ф. Фукуямы, считающего достижение западной модели либерального капитализма вершиной мировой эволюции. Современные сторонники европоцентризма видят в нем важный инструмент сохранения европейской культурной идентичности.

Проблема переходных эпох в европоцентристских моделях в основном рассматривается как вопрос о промежуточных многоукладных фазах исторического развития между двумя генеральными историческими стадиями развития. Модели переходных обществ ориентированы на дихотомичное противопоставление специфического регионального, субъективно-обусловленного (неевропейского) и универсального стадияльного (эталонно-западного) начал. Переход рассматривается как проявление универсального алгоритма. В

¹⁶ Тер-Акопян Н.Б. Развитие взглядов К. Маркса и на азиатский способ производства и на сельскую общину. // НАА, 1965, №2, С. 82-89

¹⁷ Семенов Ю.И. Философия истории..., С.186-191

¹⁸ Ким О.В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени. // Новая и новейшая история. 2011. №2. С. 123-125

¹⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., АСТ, 2005, С. 47-49

нем специфические традиционные общества, достигнув определенной стадии зрелости, попадают в диапазон действия всемирных макроисторических закономерностей, выходят на «магистральный путь истории». В формационной парадигме критериями переходного общества считаются выраженные проявления нового уклада. Сложный эндо-и экзогенный генезис этих инноваций происходит на фоне широкого распространения прежних, традиционных форм производства, политической организации, культуры. Суть переходности представляется в замещении, вытеснении старых форм, во временном синкретизме, социальном и технологическом синтезе. В других подходах (эволюционизм, «политический реализм», теории индустриального общества, теории модернизации, первое поколение концепций «зависимости» и др.) акцент внимания мог быть смещен с динамики технологического роста на эволюцию социальных связей, на ценностно-ориентированное поведение, на развитие политических систем и иерархий – но общий смысл оставался тот же. Типология исторических обществ образует иерархию темпорально и пространственно удаленных от европейского эталона вариантов, которые осмысливаются и описываются в категориях и терминах европейского исторического прошлого (например, «китайский феодализм», «индийская буржуазия»). В евроцентристской парадигме истории само развитие ведет к конвергенции, к последовательному сокращению вариантов, к распространению западной экономической, культурной и социальной модели.

Таким образом, на рубеже в XX вв. европоцентризм приобрел господствующее значение в европейских гуманитарных науках - в период активного развития индустриальной цивилизации Запада, активного экспансионизма западной культурной парадигмы, на волне распространения позитивистских, линейных, эволюционистских подходов к изучению общества, истории и культуры. Эти тенденции проявились в западной и отечественной исторической науке XX века с сопоставимой мощью и всеохватностью. Вполне естественно, что критика евроцентристских культурных, социальных и исторических па-

радикал была связана не только с кризисом классических принципов историзма, но и с критическими явлениями в развитии западной индустриальной цивилизации как таковой, с потрясениями «века войн и революций». Так развитие теории и методологии науки, качественный рост эмпирического материала, расширение междисциплинарных исследований в привело к возрастанию критики с разных направлений. Освоение обширного неевропейского материала выявило скрытый европоцентризм привычного представления об истории как едином всемирно-историческом процессе. Создатель культурно-морфологического метода О. Шпенглер называл бытующую концепцию всемирной истории «птолемеевой системой истории», призывал к ее упразднению. В качестве альтернативы он предлагал вою историческую схему чередования автономных культур и цивилизаций, каждая из которых развивается в своем витальном цикле, но в общем мировом алгоритме.²⁰ Один из главных основоположников цивилизационного подхода А. Дж. Тойнби также не разделял представлений о дихотомии Запада и Востока, считая, что природно-географическая и историческая среда, в которой развивались неевропейские цивилизации не идентичны. Тойнби соглашался с тем, что коренным отличием западной христианской цивилизации от всех прочих является генезис и развитие «индустриализма», капиталистических отношений - одной из причин этого видел в реализации «христианско-иудейской парадигмы». Но в теории Тойнби нет монолитного Востока, а есть постоянно эволюционирующие исламские, индуистские, дальневосточные, - и другие цивилизации. Характерно, что А. Дж. Тойнби исключительно редко использовал термин «Восток» и «Запад» в обобщающем, расширительном смысле, и отметал шаблоны отсталости, изолированности всех неевропейских обществ. Касаясь представления о Востоке как об оплоте неограниченного деспотизма, Тойнби указывал, что эта иллюзия исчезает при переключении внимания на внутренний аспект социального существования. Теория цивилизаций А. Дж. Тойнби указывает, что общества Запада и Востока образовались в результате отличающихся друг от друга, уникальных «Вызовов-и-Ответов», исходящих от окружающей среды и человеческого окружения, должны изучаться только в конкретном историческом контексте.²¹ Европоцентризм подвергся острой критике со стороны направления евразийства в 1920-1930-е годы. Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский и П. П. Сувчинский полагали необходимым и позитивным преодоление европоцентризма. Евразийцы исходили из представлений о равноправной культурно-исторической альтернативе континентального «монгольского» мироощущения и культурного пространства западноевропейскому, «морскому» ментальному дискурсу. В дальнейшем эти идеи получили развитие в неоевразийстве, в представлениях о суперэтнической целостности сосуществующих и взаимовлияющих на пространстве Евразии этносов и культур (Н.Л. Гумилёв). В философии Н. Бердяева, П. Сорокина неоднократно поднимался вопрос об «увядании творческих сил западной культуры». С другой стороны, во второй половине XX века расширилась убежденность в узости идей европоцентризма и предпринимаются попытки осмыслить многообразие культур, многолинейность развития. Кризис цивилизации, выраженный в мировых войнах, революциях, тоталитарных режимах в значительной степени подорвал позиции европоцентризма. В то же время динамичное развитие процессов деколонизации и модернизации стран третьего мира вызвали глубокий интерес к их цивилизационному потенциалу развития. Следует отметить, что востоковеды, африканисты последовательно противостояли идеям европоцентризма во всех странах. Они критиковали проявления европоцентризма в исторической науке за перенос на неевропейские регионы закономерностей, стадий и категорий развития Европы, за принижение вклада и роли неевропейских цивилизаций в истории человечества; за мифологизацию восточной специфики.

---

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М., Мысль, 1993, С.131-134

²¹ Тойнби А. Дж. Постижение истории, М., Наука, 1991, С.79, 84.

В 1960-70-е гг. волна критики линейных теорий модернизации, выполненных в духе вестернизации, привела к появлению представлений о национальных, региональных типах модерности. Важным этапом в преодолении европоцентризма в исторической науке стало появление *мир-системного подхода*. Создатели мир-системного анализа – И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Дж. Моделски, С. Амин считали, что привычные дихотомия Востока и Запада, традиционного и индустриального как и представления о способах производства, о формационном делении истории – мифологемы, существующие только благодаря традиции. С позиции мир-системного анализа историческое развитие и соотношение политических и экономических потенциалов Запада и Востока в рамках единой системы определялись изменчивой и циклической динамикой отношений центра и периферии. Если И. Валлерстайн отмечал, что гегемония Запада началась лишь после 1500 года, то его последователи (А. Г. Франк, Дж. Абу-Лугход и др.) радикально заявляли, что в древнем и средневековом мире существовало несколько азиатских мир-экономик, которые определили основные векторы культурного, технологического и экономического развития человечества до наступления нового времени.²²

Альтернатива глобальной истории оказалась востребована по многим причинам. С одной стороны, ее появление стало ожидаемым симметричным ответом на длительное господство линейных концепций всемирной истории в европоцентристском духе. Не случайно концептуальные подходы к ней стали развиваться тогда, когда в мировом масштабе на первый план стали выходить наднациональные процессы и структуры – в частности, стало очевидно существование суперсложных, иерархических систем политических, экономических и культурных взаимодействий, модели которых описывал Валлерстайн и его последователи. Новый подход был обусловлен процессами глобализации культурной и социальной жизни, развитию новых парадигм научного знания на стадии перехода к информационному обществу. Глобалистика отразила историческое осмысление глобальных проблем и перспектив современности. С другой стороны, возрастающий в мире интерес к новому написанию «истории человечества» связан с активным развитием неевропейской историографии, для которой свойственна мощная тенденция к преодолению европоцентризма стадийных концепций всемирной истории XIX-XX веков. Это вызвало поиск новых путей и стилей интерпретации исторического процесса в духе полицентризма, подчеркивания высокой роли народов Азии, Африки, Америки, Океании в процессе антропогенеза, культурного, социального развития человечества. Рост роли Востока, Африки, Америки в современном мире, накопление знаний о его древней и средневековой культуре, материальной цивилизации, технологических достижениях привел к переосмыслению многих аспектов всемирной истории и появлению «азиацентричных» и «китацентричных» моделей. Концепция «азиатского века» (XIV – XVIII вв.) А.Г. Франка отрицает гегемонию Европы после 1500 года, и утверждает идею циклического подъема азиатской мир-системы с центрами в Индии и Китае. В концепции Д. Даймонда 50 тыс. лет до н.э. центр общемировых культурных и антропологических процессов находился в Африке, 40 тыс. лет до н.э. он перемещается в Австралию и Океанию; в течение долгого периода до 1000 г. н. э. лидировал Китай; в 1000-1450 гг. глобальное значение имели знания и технологии мусульманских стран, – в то время как континентальная Европа в 8500 до г.н.э. – 1450 г.н.э. являлась периферией мировой цивилизации. В рамках этих концепций усиление Европы в середине второго тыс.н.э. связывается в основном с эндогенными факторами. Культура и в широком смысле, контекст развития азиатских цивилизаций,

1. Абу-Лугход Дж. Переструктурируя миро-систему, предшествующую Новому времени // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 449–461; *Чейз-Данн К., Холл Т.* Две, три, много микросистем // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / Под ред. Н.С. Розова.- Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 424-448; *Уилкинсон Д.* Центральная цивилизация // *Структуры истории* / Под ред. Н.С. Розова. Выпуск 2. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001, С. 397–423; Франк А.Г. Формационные подходы и мифологемы способов производства. // *Восток*, 1992, №2, С. 22-29 и др.

прежде всего Китая, Индии рассматривается как жизнеспособная экуменическая альтернатива развитию современной цивилизации Запада. В частности, рассматривается идея о том, что главная проблема китайской модернизации не социально-экономическое развитие, а этика, ведущая к развитию светской культуры, распространению образования, производственных и гуманитарных знаний (Д. Линь Ифу, К. Станкел).²³

Глобалистика зарождается на рубеже в начале 70-х гг. XX века как отражение формирующихся представлений о глобальных проблемах человечества и как реакция на начавшиеся процессы глобализации и культурной конвергенции мира на развитой индустриальной фазе, при переходе к постиндустриальному, информационному обществу. Формированию научного направления в значительной степени способствовали появившиеся в 70-90-е годы теории универсальной эволюции Вселенной (Э. Янч), и идейно соответствующие им гуманитарные и естественнонаучные представления о системной общности человечества и его взаимодействии с окружающей средой. В этой связи произошла актуализация теории ноосферы В. Вернадского, теории взаимодействия этногенеза и биосферы Л. Гумилева, синергетические подходы к истории человечества.²⁴ Важной предпосылкой развития глобальной истории стал мир-системный подход, в фокусе которого рассматривалось системное взаимодействие крупных наднациональных историко-географических структур в большой временной протяженности. Методологические возможности мир-системного анализа привели, по мнению А. Г. Франка к развитию «горизонтально интегрированной макроистории». В 1980-е годы проявилась тенденция к теоретико-методологическому синтезу мир-системного и цивилизационного подхода, что привело к углублению историсофского контекста всемирности. Новый интеллектуальный уровень гуманитарного знания отразился в исследованиях по исторической демографии, исторической экономике, социологии, культурологии и антропологии, которые в совокупности позволяли постановку вопроса о существенной корреляции демографических, экономических, технологических и культурных процессов в масштабе человечества на протяжении всей истории. Предмет глобальной истории складывался под мощным воздействием культурофилософских и историко-философских концепций А. Тойнби, Т. де Шардена, К. Ясперса, П. Сорокина, теории культурного диффузионизма, теории конвергенции. Другим концептуальным основанием глобальной истории стали естественнонаучные и математические представления о способности сложноорганизованных и неравновесных систем к самоорганизации и самообновлению (И. Пригожин, Г. Хакен). Математически выраженная динамика количественных и качественных изменений в системе привели к проекции представлений о флуктуации, бифуркации, о теории катастроф и теории хаоса на исторический процесс. Новый универсальный эволюционизм отражал не только представления о преемственности и стабильности развития социальных систем, но и о его потенциальной дискретности и непредсказуемости. Это отразилось в ряде работ, в которых экологические и эволюционные кризисы человечества рассматривались в духе динамичных процессов системной самоорганизации (Г.Д. Снукс, Д. Даймонд). Экосоциальные, деомграфические кризисы рассматривались в них как проявления «вызова и ответа», заставляющих общество развиваться. При этом непосредственное историческое решение может зависеть от множества субъективных факторов, таких как огнестрельное оружие, особенности национального менталитета или эндемичность микробной среды.²⁵ В рамках сложившегося направления появились исследования о экологической истории мира, изу-

---

²³ *Ионов И. Н.* Историческая глобалистика: предмет и метод // общественные науки сегодня. М., Наука, 2001, № 4, С. 127-129

²⁴ *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд., М., Едиториал УРСС, 2003.

²⁵ *Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ, 2009; *McNeill, W.* *Plagues and People.* Oxford. Blackwell, 1977.

чающие взаимодействия людей, животных, растений и микроорганизмов в контекстах адаптаций к экосистемам, миграций и взаимного влияния (А. Кросби).

Как изменилась постановка вопроса о переходных эпохах в глобально-исторической перспективе? Особенность глобального подхода к периодизации всемирной истории в том, что в качестве стадий развития берутся не просто большие исторические эпохи, а такие периоды, которые четко различаются в планетарном масштабе. Это связано с тем, что в парадигме глобалистики человечество рассматривается как броделевское «множество множеств», но образующее при этом целостность - системная часть биосферы Земли, компонент экологической среды, часть ноосферы. Поэтому в фокусе внимания находятся такие эпохи, которые существенно отличаются самим характером взаимодействия человека и природы, общества с окружающей средой. В эти периоды на принципиально иной уровень выходят процессы антропогенезации ландшафта, изменяется емкость экологических ниш, вырастает население и происходят его антропологические изменения. Социальные отношения и культурные процессы находятся в сложной субъектно-объектной связи с этой динамикой. В течение больших эпох они изменяются так, что трансформируется сама парадигма существования, цивилизационная основа общества. Глобальная история по своей сути тоже линейна, но на другом информационном и энергетическом уровне. Сумма разнонаправленных и протекавших в соответствии с собственной темпоральностью исторических развитий разных регионов, сообществ, цивилизаций на макроуровне собирается, встраивается в большие исторические эпохи, эволюционно следующие друг за другом. Как указывает В.М. Чешков, «характеристика ядра и архетипа глобальности образуют высший, наиболее абстрактный, предельный уровень описания глобальной общности, который необходимо конкретизировать. На следующем уровне эта же общность описывается через исторические типы которые различаются по

основным параметрам (глобальной общности). Доминирующему началу ядра, субъекту, организации, отношениям, составу, хронотопу».²⁶

Характерной чертой исторических периодизаций является обратная прогрессия протяженности стадий развития человечества – последующие эпохи многократно короче, динамичнее предшествующих, сокращается социокультурная и географическая дистанция между локальными цивилизациями, усиливается диффузионизм, системная взаимосвязанность. Так К. Понтинг отмечает, что период антропогенеза начался около 2 млн. лет назад и условно завершился примерно 10 тыс. лет до н.э., что само по себе занимает более 99% истории человечества вообще. Следующий период (10 000 - 2000 лет до н.э.) британский историк связывает с зарождением цивилизаций, глобальными миграционными процессами, появлением «изолятов» Америки и Тихоокеанского региона. В этот длинный доисторический, дописьменный период происходит большая часть ключевых социальных, культурных и технологических открытий. Земледелие и животноводство сменяет собирательство и охоту, появляется искусство и религия, обработка металлов, возникает общество, запускается политогенез, начинается антропогенез ландшафта. В дальнейшем К. Понтинг склоняется к политическим и мир-системным критериям периодизации - следуют эпохи Ранних империй (2000 до н. э. – 600 г. н.э.), Великих империй (600-1500-е гг.), Мирового равновесия (1500-1750 гг.) и Формирование современного мира (1750-2000 гг.).²⁷ Другие историки отмечают сокращение протяженности периодов между важнейшими технологическими социальными революциями. Эпоха палеолита началась около 2, 5 млн. лет назад, мезолит – примерно 16 тысяч лет до н.э, неолит – около 10 тысяч лет до н. э. Традиционное аграрное общество в своем развитии прошло примерно 8 тысяч лет, в то время как индустриальная эпоха как следствие промышленной, научной и социальной революции сформировалась и прошла в развитых странах мира в течении Нового времени, примерно за 300 лет; последняя НТР создала предпосылки к появлению информационного общества не позднее 50 лет назад. Важной вехой планетарного масштаба среди сторонников глобальной истории считается зарождение урбанизма, появление «глобальных городов».²⁸

В дискурсе глобальной истории многие идейные и методологические установки европоцентризма утратили актуальность или изменили свой вектор. Парадигма «переходности» в этом теоретическом направлении представлена как «разрыв традиционности», происходящий в локальном культурно-историческом контексте, и вызывающий череду социокультурных бифуркаций. В синергетическом смысле в этих «точках графика» происходит катастрофа, изменяющая саму систему и параметры ее существования. При этом большое значение уделяется факторам глобальной культурной диффузии, коммуникации, иерархическим взаимодействиям и взаимосвязям внутри мир-системы. Эти взгляды повлияли на существенную корректировку представлений о стартовой точке глобализации. Традиционная точка зрения на то, что всемирная история получила глобальное измерение в результате мир-системной военно-коммерческой и колониальной экспансии Европы в XV-XVIII веках была оспорена. В теориях и концепциях, сообщавших о средневековом периоде технологического, военного преобладания минского Китая и мусульманского Востока. В целом в рамках «глобального проекта» большое внимание уделяется военному фактору взаимодействия цивилизаций. Теория военной революции М. Робертса, Дж. Пар-

²⁶ Чешков В.М. Глобалистика как отрасль научного знания / Цивилизации. Выпуск 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории, М., Наука, 2002, С. 57

²⁷ Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М., Астрель, 2010, С. 22, 147, 314, 518, 679.

²⁸ Global City-Regions: Trends, Theory, Policy. Scott A. J. (Ed.), Oxford University Press, 2001, 484 p.; Taylor P. The New Geography of Global Civil Society: NGOs in the World City Network // GaWC Research Bulletin. 2004. № 144; Taylor P., Catalano G., Gane N. A geography of global change: cities and services, 2000-01; // GaWC Research Bulletin. 2002. № 77, p. 201-211; Marcuse P., Kempen R. van. Globalizing Cities: A New Spatial Order? Oxford, 2000 // Journal of Housing and the Built Environment, Volume 16, Number 1, p. 111-114 etc.

кера и др. проложила канву, в соответствии с которой коренные преобразования в военном деле привели к чередованию военных гегемоний с кумулятивными исторически последствиями, среди которых на первом месте - формирование мировых империй, культурная диффузия, миграционные волны.²⁹ У. Мак-Нил развил идею о том, что в истории евразийского человечества было несколько последовательных эпох военно-технологической гегемонии (китайская, османская, период равновесия между Западом и Востоком, и с 1750 года – европейская военная гегемония).. В конечном итоге в рамках концепта глобальной истории сформировалось представление о стратегическом балансе между Западом и Востоком, который выразился в военном, технологическом, производственном, культурном, демографическом паритете. После 1750-го года начался период мирового преобладания Европы, однако в современных тенденциях глобального развития многие авторы видят свидетельства возвращения к балансу и циклическому преобладанию Востока.³⁰ Представления о переходных эпохах как о периодах усиленного системного взаимодействия, культурной диффузии, бифуркационных разрывах традиционной повседневности отразилось в ряде современных концепций всемирной истории.³¹

Важным структурным элементом представлений о глобальной истории стало новое комплексное понимание исторического времени, в связи с которым появилась концептуальная возможность говорить об осевом и глобальном времени, о всемирных циклах и макроисторических ритмах времени и его о компрессиях (Д.Харди). Сформировавшаяся в рамках «новой исторической науки» тенденция к факторному рассмотрению пространства и природной среды способствовало развитию представлений о глобальных коммуникациях и транзитных зонах, о всемирном торговом, технологическом, культурном и даже бактериальном обмене, о принципиальной общности форм адаптации людей к окружающей среде, об экологических факторах развития.³² В 1990-е годы тенденция к глобализации гуманитарного знания проявилась в распространении понятий глобальная экономика, глобальное гражданское общество (Д. Хелл), глобализирующейся культуры и новых культурных идентичностей (М. Кастеллс), в поиске и обосновании историко-географических корней современной глобализации (А. Г. Франк, М. Дольфюс), в концепциях глобального постиндустриального общества (И. Валлерстайн, В. Барри-Джонс, В. Пантин). В рамках парадигмы глобальной истории сложились концепции «мирового города» (Ю. Васильчук) и «мировой деревни», информационного общества (В. Иноземцев). Глобальная история как направление объективно отразила тенденции, свойственные Новой исторической науке – ориентация на системный и факторный анализ, установка на множественность моделей познания, диалектическое восприятие всемирного контекста и локальных парадигм развития, предпочтение междисциплинарных методов исследования и моделирования, в ряде проявлений - акцент на субъекте, индивида (т.н. «индивидуализация человечества»). По замечанию И. Ионовна глобальная история реализует перспективу постановки микроисторических проблем на макроисторическом уровне.³³

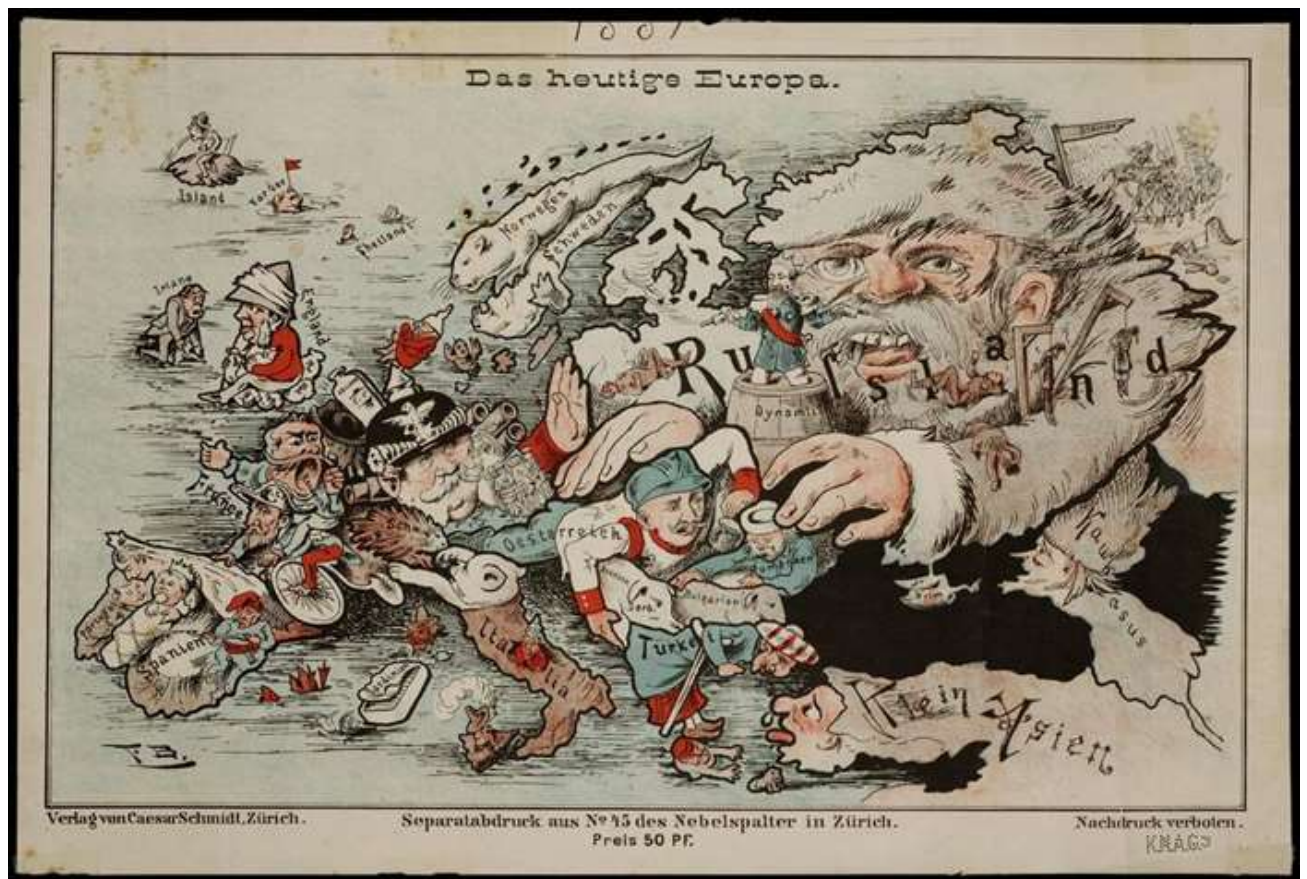
²⁹ *Roberts M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L. 1967; Parker G. The "Military Revolution," 1560-1660 - a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976).*

³⁰ *Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружение и общество в XI-XX веках. М., Территория будущего, 2008; Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого общества. М., Старклайт, 2004; McNeill, W. The rise of the West: a history of the human community. New York, 1963; McNeill, W. Plagues and People. Oxford. Blackwell, 1977.*

³¹ См. напр.: *История человечества: в 8 тт. Под ред. Питера Берка и Халила Инальчика . Том V. XVI-XVII века. М., Магистр-Пресс, 2004. С.4-6*

³² Механизм культурной диффузии, вызванный военным доминированием этноса, обладающего уникальной военной технологией описан в работах С.А. Нефедова. См. напр. *Нефедов С.А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. М., Территория будущего, 2008. С.29-36*

³³ *Ионов И.Н. Глобальная история. Основные направления и существенные особенности. / Цивилизации. Вып 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., Наука, 2002 С. 88-98*

На фоне критики европоцентризма есть основания говорить и об его определенном позитивном значении. Как отмечает Ю.Л. Говоров, европоцентризм в своей динамике отразил не только негативные тенденции, связанные с конфликтом цивилизаций и экспансионизмом, но также выполнил ряд полезных исторических и социокультурных функций. Он был закономерным этапом становления и развития европейской, и опосредованно – мировой культуры. Особенности европейского менталитета и образа действия привели к тому, что многие достижения материальной и духовной культуры мировых цивилизаций были объектно изучены и осмыслены в категориях и методах научного познания, рационализма. В рамках европоцентризма сформировалась идея о единстве всемирно-исторического процесса, взаимосвязанности всех процессов в глобальном масштабе. Европейцы в своем «центризме» проявили невиданный до них интерес к другим народам и культурам, открыли и воссоздали историю Востока и других регионов, создали специфические отрасли исторического знания (антропология, культурология, ориенталистика, африканистика, американистика). В то время как восточные цивилизации проявляли надменное отношение к другим народам, не проявляли интереса к изучению и освоению окружающего мира, и далеко не все из них имели традицию историописания. В рамках европоцентризма сформировалась идея о единстве всемирно-исторического процесса, взаимосвязанности всех процессов в глобальном масштабе.³⁴

Таким образом, методологическая проблематичность глобальной истории связана не только с традицией европоцентризма. Они вызваны необходимостью продуктивно связывать представления о гетерогенности локальных исторических процессов с установкой на принципиальную гомогенность глобальной цивилизации как таковой. Критики концепций глобальной истории сходятся в том, что парадигма глобалистики не отменяет актуальности классической социальной истории, в том, что реальный полиморфизм исторического развития является серьезным вызовом данному подходу. Макроисторический акцент глобальной истории приводит к преобладанию изучения систем и связей над иссле-

³⁴ Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в средние века. Кемерово, 1998, С.19

дованием конкретных субъектов и структур в духе мир-системного анализа. При этом работы И. Валлерстайна и многих его последователей утверждают Европу в качестве единственного движущего элемента в мире после 1500 года, и это классическое проявление европоцентризма. Азицентричные и полицентричные модели Мир-Системы намечены, но их разработка еще не доведена до конца. Цивилизационный подход смущает сторонников глобальной истории двумя чертами. Во-первых, начиная с границ XVIII-XIX столетий приходится говорить о превосходстве западной цивилизации, и мощных тенденциях к конвергенции и унификации мира, исходящих от нее. Во-вторых, сами создатели цивилизационного подхода (Тойнби, Шпенглер) пессимистично оценивали ее исторические перспективы, отмечали большой потенциал саморазрушения, капканы развития индустриализма, массовой культуры, потребительского общества. К тому же, как отмечает Клайв Понтинг, любой подход к мировой истории, основанный на идее «цивилизации», вынужден недооценивать роль экономики и социальной истории.³⁵

Предметом острой критики является идеология современных процессов глобализации и конвергенции, которые, по мнению ряда ученых, политиков и общественных деятелей несут отпечаток европоцентризма и вестернизации; приводят к отчуждению и оттеснению на мировые периферии множество локальных цивилизаций и культур. Предметом критических дискуссий являются также варибельность и альтернативность процессов глобализации, структурные проявления мир-системной иерархии, агенты глобализации. В.М. Чешков отмечает, что множественность частнодисциплинарных трактовок глобализации, с одной стороны, свидетельствует о расширении научного направления, но с другой приводит к неизбежной фрагментации исследовательского поля.³⁶ Современная глобальная история находится в динамичном развитии. В отечественной науке в духе синтеза исторических и социологических методологий ведутся разработки интеллектуального содержания и философского смысла глобальной истории.³⁷ По мере предметного расширения она стремится к решению комплекса концептуальных вопросов: как соотносится глобальная история и различные направления всемирной истории; каковы особенности глобалистики и глобальной истории, как взаимодействуют классические, постмодернистские и синергетические методы; каковы истоки глобализации и ее перспективы.

Об авторе. Ким Олег Витальевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений исторического факультета Кемеровского государственного университета.

В оформлении статьи использованы сатирические карты конца XIX – начала XX вв.

---

³⁵ Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М., Астрель, 2010, С. 13

³⁶ Чешков В.М. Глобалистика как отрасль научного знания / Цивилизации. Выпуск 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории, М., Наука, 2002

³⁷ Розов Н.С. На пути к обоснованным периодизациям Всемирной истории // Структуры истории. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций (под ред. проф. Н.С. Розова). Выпуск 2. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. С. 222–305.